

Рынок труда и качество человеческого капитала

А.А. ШИРОВ, доктор экономических наук, заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: schir@ecfor.ru

В.В. ПОТАПЕНКО, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва. E-mail: vadimpotap@mail.ru

В статье анализируются основные характеристики человеческого капитала в России. Рассматриваются ключевые направления взаимодействия человеческого капитала и экономики: демография, квалификационная структура, уровень жизни. Констатируется, что Россия пока значительно отстает по характеристикам развития человеческого капитала от наиболее развитых стран. Одновременно с этим показан имеющийся потенциал сокращения такого отставания в рамках конструктивных сценариев развития российской экономики

Ключевые слова: человеческий капитал, демография, уровень жизни, экономическая политика, рынок труда

Человеческий капитал – один из ключевых элементов национального богатства. Его количественная оценка длительное время находится в фокусе внимания экономистов. Тем не менее в официальной статистике общепризнанных обобщающих количественных характеристик национального благосостояния в целом и человеческого капитала в частности не существует. Попытки обосновать жесткую связь между качеством человеческого капитала и уровнем оплаты труда или образования (начиная с работ родоначальников теории человеческого капитала в Чикагской школе Т. Шульца [1] и Г. Беккера [2]), на наш взгляд, пока не привели к существенным результатам, и исследования в этой области продолжают, прежде всего, на качественном уровне.

Человеческий капитал и занятость

Ключевое направление воздействия человеческого капитала на экономику – занятость населения. Влияние использования трудовых ресурсов на динамические и структурные характеристики развития экономики в наибольшей степени отражают качественный вклад человеческого капитала в экономическое развитие.

Рассмотрим основные каналы такого влияния:

1) *демографический*, через параметры рождаемости и смертности создает ограничения для развития трудоемких производств,

формирует требования к миграционной политике, расходам на здравоохранение, пенсионной системе;

2) *образовательный*, через квалификацию трудовых ресурсов влияет на возможность развития высокотехнологичных производств, формирует структурные дисбалансы на рынке труда;

3) *мотивационный*, уровень оплаты труда создает условия для структурных перетоков на рынке труда, способствует росту его производительности.

В той или иной мере все эти направления дают возможность получать количественные оценки и на их основе рассчитывать интегральные показатели человеческого капитала [3]. Но, несмотря на множество работ, посвященных вкладу человеческого капитала в экономическую динамику (см., например [4, 5]), в профессиональной среде так и не был выработан общепризнанный подход к оценке качества человеческого капитала.

В самом общем виде можно говорить о том, что в странах с ухудшающимися демографическими условиями требования к вложениям в основной производственный капитал возрастают, а возможности развития трудоемких производств сокращаются (с поправкой на возможность привлечения мигрантов). Фактически замещение труда капиталом становится в данных условиях наиболее рациональной стратегией, особенно если страна может себе позволить значительные вложения в исследования и разработки. Тогда замещение труда осуществляется через вынос наиболее трудоемких производств в третьи страны и механизм технологической ренты.

Однако существуют и другие возможности маневрирования в условиях демографических ограничений. Например, если страна нуждается в массовом расширении объемов производственного и непромышленного строительства, она может проводить трудосберегающую политику через замещение собственного человеческого капитала массовым дешевым трудом мигрантов. В условиях глобализации такое замещение носит масштабный характер. При этом собственные высококачественные трудовые ресурсы замещают трудовые позиции в широком сегменте секторов второго уровня (строительство, торговля, сфера услуг), обеспечивающих деятельность качественной части экономики. В целом это соответствует принципам функционирования многоуровневой экономики, сформулированным Ю. В. Яременко [6].

Но с точки зрения развития человеческого капитала конкретной страны интенсивное использование «заимствованных» трудовых ресурсов ведет к постепенному размыванию качества человеческого капитала и создает риски нарастания неравенства и социальной напряженности. В связи с этим при разработке долгосрочной стратегии развития российской экономики необходимо очень тщательно подходить к анализу реальных демографических ограничений и их влияния на динамику и структуру занятости.

Существенный недостаток части аналитических работ в области человеческого капитала – статическое рассмотрение процессов, которое позволяет сделать вывод о наличии демографических ограничений (наиболее острые из них – формирование пенсионной системы и рынка труда). В то же время динамический взгляд на развитие ситуации в области демографии и трудовых ресурсов переводит эти «тяжелейшие» ограничения в область мифов.

Демографический компонент человеческого капитала

На наш взгляд, масштаб воздействия негативных демографических тенденций на экономическую динамику существенно переоценивается. Прежде всего, речь идет о динамике уровня смертности и определяющих ее факторах. Анализ динамики смертности может быть выполнен на основе подробного рассмотрения интегрального показателя – ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) при рождении, не зависящего от возрастной структуры населения. Это соображение справедливо для анализа смертности в любой популяции, однако в российском случае оно дополнительно усиливается за счет повторяющихся демографических волн. Поэтому простое рассмотрение показателей, зависящих от возрастной структуры населения, может привести к ошибочным выводам.

К значимым особенностям анализа ОПЖ при рождении относится возможность декомпозиции изменений этого показателя по возрастным группам и причинам смерти (алгоритм описан в работах [7,8]), что крайне важно при одновременном рассмотрении человеческого капитала и демографических показателей.

Во-первых, сокращение уровня смертности от некоторых причин – следствие изменения поведенческих установок и образа жизни значительной части населения, которые коррелируют с вложениями в человеческий капитал. Во-вторых, снижению уровня смертности, как правило, способствуют увеличение размера или повышение эффективности расходов на образование и здравоохранение, которые являются непосредственными вложениями в человеческий капитал. В-третьих, увеличение численности населения вследствие снижения уровня смертности и улучшение состояния здоровья людей сами по себе демонстрируют рост уровня человеческого капитала.

ОПЖ при рождении в России, равная в 2016 г. 66,5 годам у мужчин и 77,1 года у женщин, с 2005 г. выросла на 7,7 года у мужчин и 4,7 года у женщин. Несколько лет назад этот показатель у обоих полов превысил исторические максимумы (середина 1960-х гг. и 1980-х гг.). Однако быстрое снижение уровня смертности за последнее десятилетие в значительной мере является следствием стагнации этого показателя в конце 1960-х гг. – начале 1980-х гг. и резкого сокращения в течение 1990-х гг. Несмотря на положительные тенденции последних лет, *уровень смертности в России остается крайне высоким, и его сокращение может обеспечить наибольший вклад в повышение качества человеческого капитала.*

В таблице 1 представлена декомпозиция прироста ОПЖ при рождении в России в 2005–2016 гг. по возрастным группам и укрупненным причинам смерти в разрезе Международного классификатора болезней МКБ-10¹. Важно, что снижение уровня смертности у мужчин происходило прежде всего за счет населения трудоспособных возрастов: вклад возрастной группы 20–59 лет составил 4,92 года, то есть оно непосредственно влияло на качество человеческого капитала. У женщин уровень смертности снизился в первую очередь за счет пожилых возрастов (вклад – 2,32 года), во вторую – за счет трудоспособных (1,82 года).

¹Пример интерпретации представленных в табл. 1 значений: вклад, к примеру, «болезней системы кровообращения» у мужчин в возрасте 40–59 лет равен 1,21 года; следовательно, если бы в 2005 г. возрастные коэффициенты смертности мужчин, умирающих по этой причине, были равны зафиксированным в 2016 г. значениям, то в 2005 г. ОПЖ при рождении у мужчин была бы на 1,21 года выше фактической.

Таблица 1. Декомпозиция различий в ожидаемой продолжительности жизни при рождении в России в 2016 г. по сравнению с 2005 г. в разрезе укрупненных причин смерти МКБ-10 и возрастных групп, лет

Мужчины	Всего	0	1–9	10–19	20–39	40–59	60–79	80 и старше
Всего	7,69	0,35	0,16	0,20	1,96	2,97	1,71	0,34
Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	0,26	0,02	0,01	0,00	0,11	0,11	0,01	0,00
Новообразования	0,70	0,00	0,01	0,01	0,04	0,30	0,31	0,03
Болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ	0,02	0,00	0,00	0,00	0,01	0,01	0,01	0,00
Болезни системы кровообращения	2,83	0,00	0,00	0,01	0,0	1,21	1,05	0,26
Болезни органов дыхания	0,40	0,03	0,01	0,00	0,07	0,18	0,10	0,01
Болезни органов пищеварения	0,35	0,00	0,00	0,00	0,10	0,18	0,06	0,01
Болезни нервной системы	0,12	0,01	0,01	0,01	0,03	0,05	0,01	0,00
Внешние причины заболеваемости и смертности	2,27	0,02	0,08	0,15	1,14	0,75	0,12	0,1
Другие причины смерти	0,3	0,27	0,03	0,01	0,15	0,8	0,05	0,03
Женщины	Всего	0	1–9	10–19	20–39	40–59	60–79	80 и старше
Всего	4,65	0,29	0,14	0,09	0,55	1,26	1,73	0,58
Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	0,09	0,01	0,01	0,00	0,04	0,03	0,01	0,00
Новообразования	0,65	0,00	0,01	0,01	0,05	0,26	0,28	0,03
Болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ	0,04	0,00	0,00	0,00	0,01	0,01	0,02	0,00
Болезни системы кровообращения	2,26	0,00	0,00	0,00	0,09	0,51	1,19	0,46
Болезни органов дыхания	0,16	0,02	0,01	0,00	0,02	0,05	0,04	0,01
Болезни органов пищеварения	0,24	0,00	0,00	0,00	0,05	0,12	0,06	0,01
Болезни нервной системы	0,07	0,01	0,01	0,00	0,01	0,02	0,01	0,00
Внешние причины заболеваемости и смертности	0,66	0,02	0,06	0,06	0,24	0,20	0,07	0,01
Другие причины смерти	0,49	0,22	0,03	0,01	0,05	0,07	0,05	0,06

Источник: расчеты авторов по данным Российской базы данных по рождаемости и смертности Центра демографических исследований РЭШ [9].

Рассмотрение причин смерти показывает, что наибольший вклад в рост ОПЖ при рождении у мужчин в 2005–2016 гг. внесло снижение смертности от «болезней органов кровообращения» (вклад – 2,83 года) и «внешних причин заболеваемости и смертности» (2,27 года). У женщин также наибольший вклад внесли «болезни органов кровообращения» (вклад – 2,26 года), «внешние причины заболеваемости и смертности» (0,66 года) и «новообразования» (0,65 года).

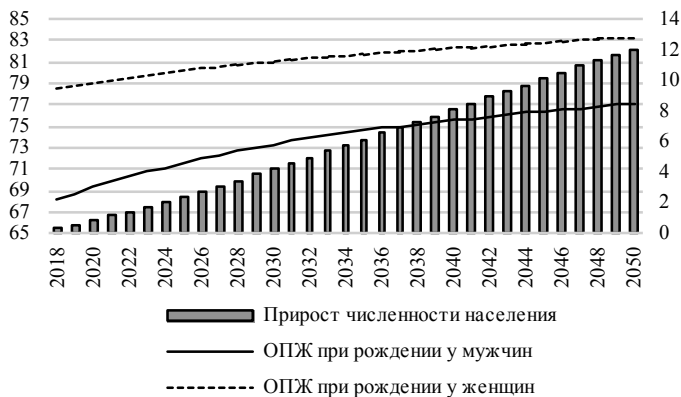
Базой для оценки перспективной динамики уровня смертности могут служить межстрановые сопоставления. Сравним различия в ОПЖ при рождении по возрастным группам и причинам смерти в Польше (2014 г.) и России (2015 г.). Польша выбрана в качестве базы сравнения потому, что это крупная страна, которая в 1990-е гг. прошла через рыночные трансформации, а ее среднедушевой ВВП по паритету покупательной способности сопоставим с российским. Тем не менее ОПЖ при рождении в Польше намного выше, чем в России: у мужчин – на 7,8 года, у женщин – на 4,7 года [9,10].

Декомпозиция различий в ОПЖ по возрастным группам показывает, что различия в ОПЖ при рождении между двумя странами прежде всего объясняются более высоким уровнем смертности населения трудоспособных возрастов. При этом огромный разрыв в ОПЖ при рождении у мужчин в наибольшей степени определяется «внешними причинами заболеваемости и смертности» (вклад – 3,54 года!), самые значительные из которых – различные виды отравлений (прежде всего алкоголем), травмы разного вида, убийства, самоубийства и дорожно-транспортные происшествия. Также в России крайне велика, по сравнению с Польшей, смертность мужчин от «болезней системы кровообращения» (вклад – 2,0 года). Различия в ОПЖ при рождении у женщин между Россией и Польшей объясняются главным образом «болезнями системы кровообращения» (вклад – 2,15 года) и «внешними причинами заболеваемости и смертности» (1,34 года).

Столь значительное отставание России от стран со схожим уровнем социально-экономического развития² говорит

² Польша – не единственный пример. Россия отстает по ОПЖ при рождении и от некоторых других стран Восточной Европы.

не только о тяжелой ситуации со смертностью, но и о наличии резерва для относительно быстрого ее сокращения. Если, предположим, до 2035 г. ОПЖ при рождении будет возрастать в соответствии с высоким сценарием долгосрочного прогноза Росстата, а именно: у мужчин она увеличится до 74,6 года (рост на 8,1 года по сравнению с 2016 г.), у женщин – до 81,7 года (рост на 4,7 года), то при прочих равных условиях (сохранение уровня рождаемости 2016 г. и нулевой миграционный прирост) численность населения России в 2035 г. окажется на 6,1 млн чел. выше, чем при сохранении текущего уровня смертности (рис. 1). Если к 2050 г. ОПЖ при рождении у мужчин повысится до 77,1 года, а у женщин – до 83,3 года, дополнительный прирост численности населения страны составит 12,1 млн чел.

Источник рис. 1, 2: расчеты авторов по данным Росстата.

Рис. 1. Прирост численности населения (правая шкала, млн чел.) по сравнению с инерционным сценарием за счет роста ОПЖ при рождении (левая шкала, лет) в 2018–2050 гг.

При анализе изменений демографической нагрузки на экономику довольно часто акцент делается на динамику численности населения в трудоспособном возрасте. Однако, на наш взгляд, этот показатель и его соотношение с другими категориями населения – далеко не лучший индикатор уровня демографической нагрузки, более адекватно использовать прогнозируемую

численность занятых и рассчитанные на ее основе относительные показатели³.

По нашим прогнозам, соотношение численности иждивенцев (население страны, не относящееся к занятым) и занятых, равное в 2016 г. 102,6%, к 2030 г. будет, в зависимости от сценария, находиться в пределах 123–126%, а в 2050 г. – 136–144%. Таким образом, ключевой показатель демографической нагрузки превзойдет значения, зафиксированные в начале 2000-х гг., только в 2030-е гг. (рис. 2). Причем, если посмотреть на опыт других стран, даже прогнозируемое для России в 2050 г. соотношение численности иждивенцев и занятых не является экстраординарным. Так, например, в Польше и во Франции в течение двух последних десятилетий этот показатель стабильно превышает 140% без каких-либо катастрофических последствий для экономики.

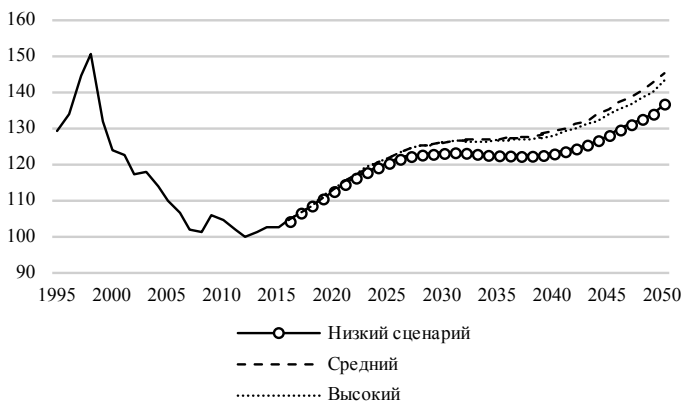

Рис. 2. Соотношение численности иждивенцев и занятых при различных демографических сценариях в 1995-2050 гг.,%

³При построении прогноза использовались следующие гипотезы: а) низкий сценарий полностью совпадает с низким вариантом долгосрочного демографического прогноза Росстата; б) средний и высокий сценарии совпадают с соответствующими вариантами прогноза Росстата в части гипотез рождаемости и смертности, однако гипотезы миграции для высокого сценария относятся к среднему варианту прогноза Росстата, а для среднего сценария – к низкому; в) предполагается, что половозрастные уровни экономической активности и безработицы в течение всего прогнозного периода будут такими же, как в 2016 г.

Экономическая активность населения России

В качестве показателя уровня накопленного человеческого капитала можно рассматривать экономическую активность населения⁴. С одной стороны, высокая экономическая активность говорит о мотивации занятых в экономике к труду, с другой – об их востребованности на рынке. Межстрановые сопоставления показывают, что для большей части возрастных групп уровни экономической активности как мужчин, так и женщин являются одними из самых высоких среди стран со схожим и более высоким, чем в России, доходом. Уровни экономической активности мужчин в возрасте 25–49 лет в течение многих лет равны приблизительно 95%, у женщин – 80–90% (табл. 2).

Таблица 2. Уровни экономической активности по половозрастным группам в 1995–2016 гг., %

Возраст, лет	Мужчины					Женщины				
	1995	2000	2005	2010	2016	1995	2000	2005	2010	2016
15–19	28,2	20,3	18,5	13,9	10,9	22,4	16,4	12,4	9,2	7,0
20–24	82,5	74,9	67,3	68,3	64,6	71,3	62,5	57,5	56,5	52,4
25–29	92,4	92,0	94,0	93,9	95,7	81	80,5	82,8	80,2	81,0
30–34	93,2	93,8	93,2	94,5	96,0	84,7	84,1	85,9	84,4	83,9
35–39	93,4	93,5	93,8	94,2	95,5	87,8	88,3	88,7	89,0	88,2
40–44	91,8	91,8	92,1	93,6	94,9	89,7	90,2	89,8	90,9	91,6
45–49	91	90,7	89,8	91,6	93,6	87,9	87,7	88,3	90,0	91,6
50–54	83,8	86,7	86,1	87,7	90,1	73	79,4	81,5	83,0	85,7
55–59	70,8	71,0	74,3	76,3	79,6	31,2	38,7	53,8	50,7	53,9
60–72	17,4	25,0	23,5	25,9	28,1	7,9	12,3	12,8	15,2	19,2

Источник: Росстат.

В последние годы постепенно растет экономическая активность мужчин и женщин предпенсионного и пенсионного возрастов и сокращается – в возрасте 15–24 лет (основной период получения образования и активного формирования человеческого капитала). Тем не менее уровень экономической активности населения России в предпенсионных и пенсионных возрастах на фоне других стран относительно низок (особенно у женщин). Сложившаяся ситуация отражает ограниченную востребованность работников

⁴Здесь под уровнем экономической активности какой-либо категории населения понимается соотношение численности экономически активного населения (занятых и безработных по методологии МОТ) и совокупной численности населения данной категории.

этих возрастных групп и неприемлемо низкие показатели продолжительности активной (здоровой) жизни населения. На наш взгляд, низкая востребованность лиц предпенсионного и пенсионного возраста (а он, напомним, в нашей стране существенно ниже, чем в большинстве крупных стран) косвенно свидетельствует об отсутствии реального дефицита трудовых ресурсов. Кроме того, по мере повышения качества человеческого капитала востребованность специалистов старших возрастных групп должна возрастать, так же как и их физическая способность трудиться. Как минимум, экономическая активность граждан в этих возрастных группах должна соответствовать общемировым тенденциям.

По нашим оценкам, за счет сокращения смертности и повышения уровня экономической активности населения предпенсионных и пенсионных возрастов (на 5–11 п.п. для разных групп) к 2035 г. может быть обеспечен дополнительный рост ВВП не менее чем на 8%, или 5,5 трлн руб. в ценах 2016 г. Это означает, что дополнительный прирост среднегодовых темпов ВВП за счет этих факторов в 2018–2035 гг. может достигнуть как минимум 0,5 п.п.[11].

Квалификационная структура занятости в России

Качество человеческого капитала способно ограничивать развитие отдельных секторов экономики. Низкий образовательный уровень населения, ошибки в формировании образовательных программ могут препятствовать модернизации экономики в той же мере, как и недостаток прямых инвестиций в основной капитал. Квалификационная структура занятости, с одной стороны, отражает образовательный уровень и навыки населения, с другой – является индикатором спроса на те или иные навыки в условиях сложившейся производственной и технологической структуры экономики.

Численность занятых в экономике России за 2005–2015 гг. увеличилась на 4,0 млн чел. – с 68,3 до 72,3 млн чел. (без учета Крыма – на 2,9 млн чел.). При этом изменилась также и структура занятости по укрупненным группам занятий (ее квалификационная структура)⁵. В частности, увеличились доли «руководителей» –

⁵Источник данных по структуре занятости в России – обследование населения по проблемам занятости Росстата, в европейских странах – данные Евростата.

с 7,0% до 8,6%, «специалистов высшего уровня квалификации» – с 17,0% до 20,4%, «специалистов среднего уровня квалификации» – с 14,3% до 15,3%, «работников сферы обслуживания, ЖКХ, торговли и родственных видов деятельности» – с 13,9% до 14,5%. При этом уменьшились доли «квалифицированных работников сельского, лесного, охотничьего хозяйства, рыбоводства, рыболовства» – с 4,9% до 3,4%, «квалифицированных рабочих промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр» – с 15,9% до 13,1%, «операторов, аппаратчиков, машинистов установок и машин» – с 12,8% до 12,2%, «неквалифицированных рабочих» – с 11,2% до 9,6%.

Таким образом, основными тенденциями, характеризующими изменение структуры занятости в последнее десятилетие, стали:

- увеличение доли «руководителей» и «специалистов высшего и среднего уровней квалификации» (на 6,0 п.п. – с 38,3% до 44,3%);
- уменьшение доли различных категорий квалифицированных и неквалифицированных работников (на 6,5 п.п. – с 44,8% до 38,3%).

Необходимо подчеркнуть, что статистика не учитывает трудовых мигрантов (по данным МВД России, это 7–8 млн чел., или более 10% занятых в экономике на текущий момент), а большая их часть относится к различным категориям неквалифицированных и квалифицированных работников.

Особого внимания заслуживают группы занятий с высоким потенциалом автоматизации. Это рабочие места, не требующие, как правило, высокой квалификации, с относительно низким уровнем оплаты труда. К ним прежде всего следует отнести (данные без учета трудовых мигрантов):

- «водителей и машинистов подвижного оборудования» (6,9 млн чел. в 2015 г., или 9,5% совокупной численности занятых в экономике);
- «продавцов, демонстраторов товаров, натурщиков и демонстраторов одежды» (4,9 млн чел., 6,8%);
- «неквалифицированных рабочих» (7,0 млн чел., 9,6%).

В сумме три перечисленные категории работников в 2015 г. составили 18,8 млн чел., или 25,9% численности занятых. И хотя в 2005–2015 гг. доля этих категорий работников в численности занятых сократилась на 2,5 п.п., по меркам большей части европейских стран, она остается очень высокой. Для сравнения:

в 2015 г. в Германии эта доля равнялась 18,8%, во Франции – 19,8%, в Британии – 18,5%, в Польше – 20,7%, в Чехии – 18,5%. Разрыв между значениями долей в структуре занятости отдельно «водителей и машинистов подвижного оборудования» еще более заметен: Россия – 9,5%, Германия – 3,3%, Франция – 3,8%, Британия – 3,4%, Испания – 4,7%, Польша – 5,6%, Турция – 4,9%.

Если бы в российской статистике учитывались, так же как в европейской, трудовые мигранты, и без того значительный разрыв стал бы просто колоссальным, поскольку большая часть трудовых мигрантов занята как раз в торговле, на транспорте и на низкоквалифицированных работах. Из приведенных цифр можно сделать вывод: *в России в условиях относительно простой структуры экономики с большой долей неэффективных производств сохраняется практика замещения капитала трудом.*

При такой структуре занятости дефицит трудовых ресурсов в российской экономике, о котором так много говорят в последнее время (например [12, 13]), действительно может наступить, но только если в течение ближайших 10–15 лет не произойдет каких-либо изменений. На наш взгляд, такое развитие событий крайне маловероятно: структура производства и спроса на труд будет неизбежно меняться либо под воздействием роста инвестиций и модернизации производства, либо за счет активной выбраковки неэффективных производств.

Таким образом, неизбежное в среднесрочной и тем более долгосрочной перспективе снижение спроса на низкоквалифицированный труд, с одной стороны, приведет к необходимости смены мест работы для большого числа работников, с другой – будет способствовать постепенному преодолению демографических вызовов без необходимости дополнительного привлечения трудовых мигрантов.

Следует отметить, что в перспективе рост инвестиционной активности также будет связан с квалификационной структурой занятости. Например, если упор будет сделан на масштабное инфраструктурное строительство, то, по нашим оценкам, это потребует резкого увеличения трудовой миграции в Россию в течение ближайших 5–7 лет. Поэтому целесообразно придерживаться более сбалансированной политики модернизации, создавая благоприятные условия для развития конечных

производств, реализуя те инфраструктурные проекты, которые снимают текущие ограничения развития.

С точки зрения требований к системе образования можно сказать, что сейчас существует возможность ее постепенного подстраивания под требования перспективной структуры занятости. В случае постепенного уменьшения спроса на низкоквалифицированный труд необходимые трансформации в структуре занятости произойдут естественным образом и не приведут к значительным социальным потрясениям.

Доходы и расходы населения, мотивация труда

Возможности населения по реализации собственного потенциала, повышения качества жизни являются неотъемлемым элементом человеческого капитала. Пока же большинство российских граждан имеют весьма скромные доходы, существенная часть которых расходуется на реализацию лишь самых необходимых потребностей.

В 2004–2014 гг. потребление российских домашних хозяйств в реальном выражении увеличилось почти вдвое⁶. В то же время, невзирая на очень быстрый рост реальных расходов, их структура практически не изменилась. Зафиксирована очень высокая доля расходов на «продукты питания и безалкогольные напитки», значительно превосходящая соответствующую долю в странах со схожим уровнем доходов: в 2014 г. она составила 28,5% конечного потребления домашних хозяйств (без учета зарубежных покупок). Также для структуры потребления российских домашних хозяйств характерны низкие доли расходов на «организацию отдыха и культурные мероприятия» и «гостиницы и рестораны» (табл. 3).

Такая структура расходов во многом является следствием неравенства в распределении доходов в России. Одно из его негативных последствий – затруднение воспроизводства человеческого капитала: значительная часть работников не может инвестировать средства в улучшение уровня и качества жизни, в том числе в современные услуги здравоохранения, культуры, качественный отдых.

⁶2004 г. выбран в качестве базы сравнения из-за того, что данные национальных счетов России о потреблении домашних хозяйств в разрезе Классификатора индивидуального потребления по целям (представленные в табл. 3) доступны только с 2004 г.

Таблица 3. Структура расходов домашних хозяйств на конечное потребление в России и других странах в 2015 г. (без учета зарубежных покупок),%

Статья расходов	Россия	Польша	Чехия	Латвия	Германия	Франция
Продукты питания и безалкогольные напитки	28,5	16,9	16,1	18,5	10,6	13,3
Алкоголь и табак	7,4	6,0	8,4	7,6	3,3	3,5
Одежда и обувь	5,4	5,0	3,4	5,4	4,5	3,9
Жилищные услуги, вода, электроэнергия, газ и другие виды топлива	17,0	21,5	25,9	21,6	24,1	26,3
Предметы домашнего обихода, бытовая техника и повседневный уход за домом	6,4	5,3	5,3	4,0	6,8	4,9
Здравоохранение	3,9	5,4	2,5	4,6	5,2	4,2
Транспорт	11,8	12,3	9,6	11,8	14,2	12,9
Связь	3,0	2,4	2,8	2,7	2,9	2,6
Организация отдыха и культурные мероприятия	5,3	7,8	8,6	9,4	9,0	8,3
Образование	0,7	1,0	0,5	1,6	0,9	0,9
Гостиницы и рестораны	3,0	3,1	8,7	6,7	5,3	6,7
Другие товары и услуги	7,5	13,3	8,3	6,0	13,1	12,3

Примечание. В целях сопоставимости данных не учитывались «покупки товаров и услуг резидентов за рубежом за вычетом покупок нерезидентов на территории страны». В 2015 г. в России эта позиция заняла 3,7% расходов домашних хозяйств на конечное потребление.

Источники: Росстат, Евростат.

Сложившуюся ситуацию можно переломить только при существенном росте уровня доходов населения. Это также необходимое условие для выстраивания реально действующих механизмов социальной поддержки населения, пенсионной системы. Очевидно, что при медианной зарплате менее 30 тыс. руб. в месяц ресурсов государства вряд ли хватит для обеспечения приемлемого уровня жизни старшего поколения. По нашим оценкам, *качественные изменения в структуре потребления населения возможны при условии роста реальной заработной платы в ближайшие 10 лет не менее чем в 1,5 раза.* И тут встает вопрос о возможности такого роста.

В литературе можно найти массу работ, которые обосновывают ограничение роста оплаты труда динамикой его производительности (например [14]). Действительно, в общем случае если рост реальной заработной платы опережает производительность труда,

то это повышает удельные издержки на оплату труда и снижает конкурентоспособность экономики. И если посмотреть, к примеру, на динамику доли оплаты труда в добавленной стоимости, то можно, особенно в период после кризиса 2008–2009 гг., найти свидетельства ее роста. Но ведь добавленная стоимость – это доходы, которые зависят от ряда конъюнктурных факторов. Издержки корректнее соизмерять со стоимостью продукции: в течение длительного периода доля оплаты труда в структуре затрат стабильна для большей части видов экономической деятельности, даже несмотря на резкий рост ставок страховых взносов несколько лет назад (в «обрабатывающих производствах» доля затрат на труд за последние годы и вовсе снизилась) (рис. 3).

Примечание 1. Данные по организациям без субъектов малого предпринимательства, бюджетных организаций, банков, страховых и прочих финансово-кредитных организаций.

Примечание 2. Данные относятся к обрабатывающим производствам в разрезе ОКВЭД2. Переход к ОКВЭД2 выполнен авторами на основе данных Росстата в ОКВЭД-2007 и ключа-переходника МЭР России.

Источник: расчеты авторов по данным Росстата и МЭР России.

Рис. 3. Затраты на оплату труда и страховые взносы в «обрабатывающих производствах» в 2010-2016 гг., % от затрат на производство и реализацию продукции (товаров, работ, услуг)

Что же касается производительности труда как таковой, то трудности с ее корректным измерением и возможность неоднозначной интерпретации динамики этого показателя накладывают значительные ограничения при его использовании

в качестве аргумента для обоснования экономической политики. В этой связи общие издержки на труд в структуре затрат, по нашему мнению, являются намного более понятным показателем. В случае реализации конструктивных сценариев роста экономики можно предполагать, что рост заработной платы в целом будет соответствовать динамике ВВП, а в промышленности – динамике выпуска. При таких условиях не возникнет каких-либо значимых перекосов в структуре затрат и не произойдет снижения конкурентоспособности российской экономики. Кроме того, изменение уровня доходов населения способно, с одной стороны, повысить мотивацию к труду (в том числе повлиять на уровень экономической активности населения), а с другой – привести к необходимым положительным изменениям в качестве жизни.

Заключение

Оценка ключевых характеристик качества человеческого капитала демонстрирует существенное отставание России от большинства экономически развитых стран и даже стран со схожим уровнем социально-экономического развития. Самые значительные разрывы связаны с показателями смертности, квалификационной структурой занятости и структурой потребления. В то же время очевидно, что наша страна имеет немалые резервы для сокращения этого отставания.

Важнейшим направлением развития должны стать действия в области сокращения уровня смертности и повышения продолжительности активной (здоровой) жизни населения. Здесь возможные экономические выгоды могут многократно перекрыть то увеличение расходов на здравоохранение и социальное обеспечение, которое необходимо для достижения приемлемых результатов.

В рамках любого конструктивного сценария развития российской экономики, предполагающего в перспективе ближайших 20 лет среднегодовые темпы роста ВВП на уровне не ниже 2,5%, дефицит трудовых ресурсов не сможет стать значимым ограничением развития прежде всего потому, что в рамках таких сценариев рост эффективности производства будет приводить к постепенному снижению спроса на низкоквалифицированный труд. Потребность в мигрантах будет возрастать только в сценариях, предусматривающих существенное увеличение в структуре инвестиций строительства, в том числе инфраструктурного.

Рост качества человеческого капитала невозможен без изменения структуры расходов населения на базе роста реальных доходов. В связи с этим подъем благосостояния населения должен быть ключевым элементом любой долгосрочной стратегии развития России.

Литература

1. *Schultz T.W.* Investment in human capital //The American economic review. – 1961. – Т. 51. – № 1. – С. 1–17.
2. *Becker G. S.* Human Capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to education. – National Bureau of Economic Research, 1964.
3. *Jahan S. et al.* Human development report 2016: human development for everyone //United Nations Development Programme (UNDP). – New York, NY, 2016.
4. *Суворов А.В., Суворов Н.В., Гребенников В.Г., Иванов В.Н., Болдов О.Н., Красильникова М.Д., Бондаренко Н.В.* Подходы к измерению динамики и структуры человеческого капитала и оценке воздействия его накопления на экономический рост // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 3. – С. 3–17
5. *Капелюшников Р.И.* Сколько стоит человеческий капитал России?: препринт WP3/2012/06. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 76 с.
6. *Ярёменко Ю.В.* Теория и методология исследования многоуровневой экономики. – М.: Наука, 1997, – 400 с.
7. *Preston S.H., Heuveline P., Guillot M.* Demography: Measuring and Modelling Population Processes. – Blackwell Publishers Inc., 2001.
8. *Arriaga E.* Measuring and Explaining the Change in Life Expectancies //Demography. – 1984. – 21 (1). – P. 83–96
9. Российская база данных по рождаемости и смертности. Центр демографических исследований Российской экономической школы, Москва (Россия). URL: http://demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data (дата обращения: 05.01.2017).
10. World Health Organization Mortality Database. URL: http://www.who.int/healthinfo/statistics/mortality_rawdata/en/
11. Среднесрочная программа социально-экономического развития России до 2025 года «Стратегия роста». Институт экономики роста им. П.А. Столыпина. URL: <http://stolypin.institute/strategy/#strategiya> (дата обращения: 05.01.2017).
12. *Кудрин А.Л., Соколов И.А.* Бюджетный маневр и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики. – 2017. – № 9. – С. 5–27.
13. Демографические вызовы России. Экспертно-аналитический доклад. Центр стратегических разработок. – М., 2017.
14. *Кудрин А.Л.* Об источниках экономического роста (в перспективе до 2025 г.). Тезисы доклада на заседании президиума Экономического совета 25 мая 2016 года. URL: <https://akudrin.ru/news/tezisy-doklada-alekseya-kudrina-ob-istochnikah-ekonomicheskogo-rosta-v-perspektive-do-2025-g-predstavlennogo-na-zasedanii-prezidiuma-ekonomicheskogo-soveta-25-maya-2016-goda> (дата обращения: 05.01.2017).